

П.В. Борботько

Правотворческая деятельность Национального собрания Веймарской республики в 1920 году

Правящая коалиция Веймарской Германии, состоявшая из Социал-демократической партии, Немецкой христианской католической партии Центра (далее Центр) и Немецкой демократической партии, в первой половине 1920 года выступала единым сплоченным блоком против давления левых и правых политических сил. Ее крупнейшим оппонентом слева была Независимая социал-демократическая партия, а справа – Немецкая народная и Немецкая национальная народная партии [1].

В деятельности Национального собрания в январе-июне 1920 г. обращает на себя внимание тот факт, что СДПГ, Центр и НДП, придя к идее о необходимости выступления единым фронтом в отношении своих оппонентов, старались поддерживать друг друга во время заседаний парламента и разгоравшихся на них дебатов по различным законопроектам. Главная причина этому – экономический и политический кризис в стране, вызванный поражением в войне и революционными событиями, а также стремление коалиции стабилизировать ситуацию и удержаться у власти. В этих условиях основные дебаты разворачивались по вопросам налогового законодательства, о компетенции и функциях производственных советов, суда над военными преступниками и т.д.

Успешное реформирование налогового законодательства могло привести к улучшению экономической ситуации в стране. Поэтому тем или иным проблемам подоходного налогообложения, введения налога на собственность, налога на доходы с капитала решались на 142–151-м заседаниях Национального собрания, проходивших в феврале-марте 1920 г. [2].

По проблеме изменения законодательства, регулирующего правоотношения в вопросах налога на собственность, фракции правящих партий согласились с проектом НДП. Суть его заключалась в том, что к 1920 году наблюдалось истощение источников прямого налогообложения. Это, в свою очередь, вызывало необходимость увеличения косвенного обложения. Фракция немецких демократов предложила взимать налоги с дохода, имущества и имущественного прироста. При этом для физических лиц было предложено принять специальный государственный закон о подоходном налоге, а для юридических – Закон о налоге на корпорации. Поскольку Германия в то время представляла собой федерацию различных земель, предполагалось, что налоги на доходы с ремесленных предприятий и с земельных владений можно будет вывести из компетенции центральных органов власти, передав на рассмотрение местных земельных и, даже, общинных органов управления.

Заместитель государственного секретаря в министерстве финансов, член фракции НДП в парламенте В. Мосле в своем выступлении 8 марта предло-

жил также ввести чрезвычайную меру – налог на имущество. Раньше под ним понималась выплата определенного фиксированного процента с имущества, полученного в результате дарения или по наследству. Суть нововведения заключалась в том, что раньше облагалось налогом имущество, которое было «сэкономлено» его владельцами. Не подвергалась налогообложению собственность, растроченная ими в результате неразумной или неэффективной деятельности. Поэтому партии коалиции поддержали решение об обложении чрезвычайным налогом расточителя и растроченную собственность.

СДПГ неукоснительно отстаивала принцип прогрессивности налогообложения. Член фракции партии В. Кайль заявлял, что это «старая неизменяемая позиция» его организации. Вызвана она теперь также тем фактором, что потребности государства с послевоенных времен возросли в 6 раз. Это, по его мнению, должно было привести к реформированию налогового законодательства. В связи с этим, он предложил изменить некоторые бытовавшие в Германском гражданском уложении формулировки тех или иных терминов. Например, понятие прожиточного минимума предлагалось рассматривать не как определенный размер доходов, позволяющий поддерживать сносное существование, а как минимальный доход, не облагаемый налогами. При этом социал-демократы предлагали дифференцировать размер платежей государству в зависимости от величины семьи. Так, например, замужние женщины при расчете размера подоходного налога должны были предоставлять сведения о совокупном налоге семьи. Таким образом, налог взимался в зависимости от совместного заработка супругов. В этом случае защищались, как можно определить, интересы государства, а не семьи.

Кроме этого, члены СДПГ предложили реформировать саму систему взимания налогов. Раньше все физические и юридические лица осуществляли выплаты один раз в год. Это приводило к тому, что порой рабочим было трудно одновременно собрать большую сумму. Поэтому фракция добилась введения практики ежемесячных удержаний налогов из заработной платы и доходов небольшими суммами.

Все выступления оппозиции – НСДПГ, ННП и НННП о том, что рабочие и пенсионеры недовольны данными реформами, были отведены правящей коалицией. Лидеры СДПГ, заявлявшие о своей особенной заботе о данных слоях населения, ответили, что недовольство вызвано не налогообложением пенсий и доходов, а низкой покупательной способностью марки.

Уже 28 февраля на 143-м заседании Национального собрания фракция НДП выступила с заявлением о том, что практически все сложности страны вызваны ее неудачами во внешнеполитической сфере. В результате поражения в войне к 1920 году Германия потеряла четкую пограничную линию и пограничные службы на севере, западе и востоке. Это привело к проникновению на внутренний рынок страны излишних товаров, потере доходов от таможенных пошлин. Почта и железные дороги, которые раньше были доходной статьей немецкой экономики, стали убыточными и требуют постоянных государственных дотаций. Внутреннее производство товаров не сбалансировано с их потреблением. Таким образом, узость внутреннего рынка страны, наблюдавшаяся еще до войны, еще более усилилась.

Фракция отметила, что Германия нуждается в импорте товаров из-за границы, особенно продуктов питания. Это, в свою очередь, ведет к повышению закупочных цен на картофель и пшеницу. В результате страна наводняется большой массой денег, которые очень быстро обесцениваются. Требование рабочих о повышении заработной платы приводит к еще большему ухудшению ситуации. В качестве мер по улучшению ситуации в финансовой сфере и укреплению марки было предложено три меры. Во-первых, народ должен

ограничить свои потребности, во-вторых, больше и эффективнее работать, в-третьих, государство должно стимулировать предпринимательскую активность. Поскольку каждое предприятие требует привлечения первоначальных капиталовложений, то необходимо сократить налоговое законодательство на мелкий и средний бизнес.

В целом НДП выступила за увеличение подоходного налога. Она видела, что страна ввела «даже не двойное, а тройное» обложение налогом источников дохода. Поэтому отмечалось, что страны Антанты не заинтересованы в полном развале Германии. Они надеются получить с нее репарационные платежи и деньги, необходимые для восстановления их собственной промышленности, а также использовать ее как экономического и торгового партнера. Поэтому, как утверждал член фракции Г. Польшманн, основное внимание нужно обратить на «мудрую внешнюю политику». Внешнеполитические успехи помогут справиться с указанными выше экономическими трудностями.

Большие споры между партиями коалиции возникли по законопроекту о производственных советах. Он был призван способствовать развитию производственной демократии, защите прав рабочих, установлению классового мира и сотрудничества. Второе и третье чтения данного законопроекта прошли на 135–138 и 140-м заседаниях Национального собрания.

Прежде всего, встал вопрос о том, на каких предприятиях целесообразно создавать производственные советы. В дебатах победила точка зрения немецких демократов. Члены НДП выступили за их создание только на крупных производственных объединениях. Поскольку создание их на небольших заводах и фабриках привело бы к излишней бюрократизации. На заседании 15 января (№ 137) они добились принятия решения о том, что фабричный совет может быть создан на предприятии, где занято по меньшей мере 20 ремесленников, работающих главным образом в пользу данного предприятия, и не являющихся его собственниками.

СДПГ предложила проводить выборность членов производственных советов на основе прямых выборов. Все советы отдельных предприятий должны были стать, по их предложению, подгруппами Всеобщего производственного совета. Данное предложение собрало 215 голосов членов парламента. Против него высказалось 63.

Большие споры разгорелись по вопросу о компетенции производственных советов. Правые партии (ННП и НННП) выступили за то, что данные органы рабочего контроля не имеют право нарушать существующее законодательство. Речь шла о том, что в случае предоставления работодателем заведомо ложной информации или документов своим рабочим, он не нес никакой уголовной ответственности. Совет не имел право наложить какие-либо взыскания на него или инициировать судебный уголовный процесс. СДПГ сумела добиться признания за советом права осуществлять проверку всех трудовых споров и, в случае обнаружения злоупотреблений, требовать их исправления. В противном случае должно было вступать в силу уголовное законодательство.

На заседании 18 января (№ 140) Центр добился принятия положения о введении трудовых книжек и обязательном страховании рабочих. Следить за выполнением данного положения должны были фабричные и заводские советы рабочих. Партия напомнила, что в период революции за данный закон выступали как партии коалиции, так и правые организации. Против него были только НСДПГ и коммунисты, боровшиеся за установление Советской власти и диктатуры пролетариата в Германии. Их раскольническая деятельность, по мнению членов фракции Центра, привела к расколу сторонников демократизации производства. Многие либеральные и демократические организации стали воспринимать любой совет как врага демократии и республики, агента

тоталитарной диктатуры. В результате Немецкая народная партия стала противником реформ в данной области.

Основным итогом второго и третьего чтения данного законопроекта было его принятие в том виде, как предлагали партии коалиции. Фабричные советы получили право контроля и арбитража трудовых споров, возникающих на производстве между работодателями и работополучателями.

По вопросу о суде над военными преступниками среди политических партий, как оппозиционных, так и правящих, было меньше различий и споров. Дебаты по данному вопросу проходили на 144 и 145-м, 148 и 149-м заседаниях (1, 4 и 5 марта).

8 января 1918 года Президент США В. Вильсон выступил со своими знаменитыми 14 пунктами нового устройства мира после войны. Данный план был поддержан правительством Ф. Шейдемана в период Ноябрьской революции. Немецких социал-демократов, партию Центра и Немецкую демократическую партию в плане Вильсона привлекали, в первую очередь, пункты 1–3, 5 и 14, которые могли стать основой в создании Лиги Наций как мирового содружества государств, за что в своих программах выступали СДПГ и Центр. К тому же появилась возможность выгодного для страны решения вопросов «свободы морей», «свободы торговли» и «свободного урегулирования» колониальных проблем. Большую поддержку вызывали положения о праве наций на самоопределение, под которым понималась защита немецкого меньшинства в соседних государствах и объединение Германии.

По поручению Национального собрания и правительства военная делегация проводила переговоры с командованием стран Антанты в Спа. Переговоры шли крайне тяжело из-за слишком жесткой позиции маршала Фоша. Генерал Г. Хаммерштайн в своем докладе кабинету министров в феврале 1919 года отмечал проблемное поле неурегулированных в Спа вопросов. Каждый из них нужно было рассмотреть более подробно и разработать специальную законодательную базу при подготовке окончательного мирного договора.

Г. Хаммерштайн, в частности, отмечал неуступчивость французского командования по проблемам демобилизации сухопутных вооруженных сил. Военное министерство Пруссии, являвшееся также одним из субъектов переговоров в Спа, уделяло большое внимание вопросу демилитаризации оккупированных районов. Оно было сторонником дальнейшего военного присутствия Германии в данном регионе [3].

Французское правительство предложило через маршала Фоша законодательно оформить проблему гражданства в Эльзасе и Лотарингии. Согласно ему: 1) все лица, кто родился в данной земле до 20 мая 1871 г., принадлежат к французским гражданам, несмотря на потерю данного гражданства через принятие Франкфуртского мира; 2) те лица, которые родились на данных землях после 20 мая 1871 г., чьи матери и отцы получают гражданство Франции по первому пункту, также автоматически считаются гражданами Французской республики. К этому добавлялся третий пункт: все лица, рожденные в Эльзасе и Лотарингии от неизвестных родителей, также могут быть признаны гражданами Франции.

Данная позиция, по мнению немецкой делегации, была безосновательна, поскольку в таком случае происходил раздел немецкого народа на части. Кроме этого, возникла правовая незащищенность данного населения, подвергавшегося призыву в 1914–1918 гг. в немецкую армию, от уголовного преследования, по французскому закону, за службу в пользу чужого государства.

Одновременно, те лица, которые не попадают под действие данных пунктов, должны были считаться в Эльзасе и Лотарингии временно проживающими. Генерал отмечал факты конфискации собственности эльзасских офицеров и передачи ее в распоряжение французским. Данные земли считались

принадлежащими временно проживающему лицу только после того, как оно докажет законность своего права на владение. Однако из многочисленных прошений, поданных французскому временному военному командованию, как отмечает Хаммерштайн, к рассмотрению принято только 6 просьб.

Большие споры разгорелись по вопросу о суде над военными преступниками. Группа депутатов Национального собрания, состоявшая из членов СДПГ, Центра и НДП, заявила, что нужно проводить борьбу не только против стремлений слева, призывающих к революции, но и справа. Г. Прейс смог убедить присоединиться к данному заявлению Г. Носке. На заседании 27 марта 1919 года Шейдеман обрушился в своей речи на генерала Людендорфа и коснулся вопроса создания Государственного трибунала. Далее этим вопросом активно занимался Прейс.

Только на заседании кабинета 17 апреля 1919 г. была выработана руководящая линия для подписания немцами мирного договора и окончательно определена позиция правительства Германии и немецкой делегации на переговорах в Версале. Предложения условий, представленные графом Рантцау, были окончательно отредактированы и изменены.

Правительства Ф. Шейдемана и Г. Бауэра долгое время пытались противостоять попыткам стран Антанты обвинить Германию в развязывании Первой мировой войны. При голосовании по вопросу о принятии Версальского мирного договора в мае-июне 1919 года внутри СДПГ и Центра возник раскол по вопросу об его подписании. НДП и ННП высказались однозначно против утверждения текста договора, выработанного комиссией. Ситуация обострялась еще и требованием стран Антанты о проведении судебных заседаний международного трибунала по вопросу о наказании военных преступников. Оно вызвало огромное возмущение офицерского корпуса в Германии, который даже был готов осуществить вооруженное выступление против неравноправного договора.

Фракция СДПГ на заседании 12 мая решила, что в связи с подготовкой Францией агрессивных акций в отношении немецких военнопленных (около 800 тысяч человек), а также угрозы полной оккупации страны, необходимо подписать данный документ. Она уполномочила правительство подписать договор 22 июня в надежде, что время работает на немцев. При предварительном голосовании в Национальном собрании 237 человек высказались за подписание, 138 – против, 5 депутатов воздержались. Это, в свою очередь, привело к выходу из правительства членов НДП, Шейдемана и Ландсберга. Канцлером был вынужден стать Бауэр, министерство иностранных дел временно перешло к Г. Мюллеру, а председателем фракции СДПГ в Рейхстаге стал Лёбе. Правительственный кризис привел к постановке на повестку дня вопроса о доверии правительству. При голосовании по нему 235 депутатов выразили свое доверие, 89 – голосовало против, 69 – воздержались. 23 июня при голосовании после третьего чтения Версальского договора «за» проголосовало 209 депутатов, «против» – 116. Фракция ННП полностью голосовала против его принятия.

Договор носил неравноправный характер. Интересы Германии в нем были ущемлены. Это касалось, например, порядка деятельности международного трибунала, занимавшегося вопросами суда над военными преступниками. В Договоре его деятельность регламентировали статьи 227–231. Статья 231 возлагала вину за все военные убытки, убытки стран Антанты и их союзников на Германию и союзные ей государства. В соответствии со статьей 227 Договора планировалось создать международный трибунал, состоящий из 5 судей (по одному от США, Великобритании, Франции, Италии и Японии). Деятельность трибунала должна была основываться на международном праве (например, законах Зиттена). Специальный запрос намечалось направить правительству Нидерландов с целью экстрадиции бывшего кайзера для придания его суду международ-

ного трибунала. В статьях речь шла только о гражданах Германии, совершивших военные преступления и о суде над ними.

Немецкая сторона, признав вину Германии в развязывании войны, добивалась от стран Антанты уступок не выдавать «преступников» и судить их в рейхе государственным трибуналом. Для обоснования законности данной просьбы Национальное собрание приняло два законодательных акта: от 18 декабря 1919 г. и 24 марта 1920 г. Страны Антанты согласились на проведение заседаний Трибунала в Лейпциге под руководством немецких государственных судей. Представители от стран присутствовали на заседаниях трибунала в качестве наблюдателей и свидетелей. Англия во время работы трибунала демонстрировала свою лояльность к проходившему процессу. Французские уполномоченные, поссорившись с немецкой защитой, покинули зал заседаний и отказались от дальнейшего участия в процессе. Бельгийцы вовсе не послали свою делегацию на заседания.

В результате к военным преступникам были отнесены лица, нарушавшие в период 1914–1918 гг. нормы международного права: участвовавшие в расстреле заложников, убийствах раненых, истязаниях пленных, сожжении населенных пунктов и т.д. Все страны Антанты подали списки лиц, которых они отнесли к военным преступникам. В эти списки был включен практически весь прежний кайзеровский генералитет и большое число немецких офицеров, вплоть до лейтенантского состава. Большинство из них были приговорены к тюремному заключению на различный срок, имущественным штрафам и увольнению из рядов вооруженных сил.

В последующие годы Германия пыталась добиться ликвидации условий Версальского мирного договора, выполнения программных установок отдельных партий и равноправного участия в международных делах.

Как можно заключить, экономический и политический кризис, продолжавшийся во время работы Национального собрания в 1920 году, наложил свой отпечаток на деятельность правящей коалиции. С одной стороны, она была более сплоченной, чем прежде. С другой, все предлагаемые ею реформы в налоговом и трудовом законодательстве сводились к тому, чтобы установить законность и правопорядок, избежать грозящего бюджетного дефицита. Неудачи коалиции во внешнеполитической деятельности, взрыв возмущения немцев попыткой поддержать социал-демократами идеи стран Антанты о проведении международного суда над военными преступниками, на котором немецкая сторона не была равноправным субъектом, спровоцировали серьезный политический кризис. Все это стало одной из причин Капповского путча, падения правительства Г. Бауэра и закрытия Национального собрания [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Космач Г.А.* Кризис германского либерализма в годы Веймарской республики. Мн., 1989. – С. 10–70.
2. *Verhandlungen der verfassunggebende Deutschen Nationalversammlung.* – Berlin, 1920. – Bd. 326. – S. 46.
3. *Verhandlungen der verfassunggebende Deutschen Nationalversammlung.* – Berlin, 1920. – Bd. 327. – S. 808–858.
4. *Deutsche Geschichte in Daten.* Herausgegeben vom Institut für Geschichte die Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. – Berlin, 1968. – S. 1101.

S U M M A R Y

Law activity of the parties in the Weimar Germany in the National Assembly in 1920 is considered in the article. The conclusions on the reasons for their ups and downs as well as for the impact on the political situation in that country are drawn.

Поступила в редакцию 27.05.2004